СИСТЕМА ЗООЛОГИЧЕСКИХ УПОДОБЛЕНИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ РАССКАЗА ТЭФФИ «НЕЖИВОЙ ЗВЕРЬ»

Ахмедова Мухлиса,
студентка Кокандского ГУ
Научный руководитель: ст. преподаватель
Гончарова Нина Васильевна

Аннотация

В статье исследуется система зоологических уподоблений в рассказе Тэффи «Неживой зверь». На основе текстологического анализа доказывается, что зооморфные образы выполняют не только характерологическую, но и структурообразующую функцию, формируют особую модель художественного мира, обусловленную спецификой детского восприятия. Особое внимание уделяется повторяющимся мотивам, сенсорной организации образа и эволюции центрального персонажа — «неживого зверя».

Ключевые слова: Тэффи, зоологические уподобления, художественный мир, детское сознание, метафора, поэтика.

Annotation

The article examines the system of zoological comparisons in Taffy's story "The Inanimate Beast". Based on textual analysis, it is proved that zoomorphic images perform not only a characterological, but also a structure-forming function, form a special model of the artistic world, determined by the specifics of children's perception. Special attention is paid to repetitive motifs, sensory organization of the image, and the evolution of the central character, the "inanimate beast."

Keywords: Taffy, zoological comparisons, artistic world, children's consciousness, metaphor, poetics.

Annotatsiya

Maqolada Teffining "Jonsiz hayvon"hikoyasidagi zoologik assimilyatsiya tizimi o'rganilgan. Matn tahlili asosida zoomorfik tasvirlar nafaqat xarakterologik, balki tuzilish funktsiyasini ham bajarishi isbotlangan. Ular bolalar idroki o‘ziga xosligi bilan belgilanadigan badiiy dunyoning alohida modelini shakllantirishi ko‘rsatilgan. Takrorlanuvchi motivlar, obrazning sensor tashkil etilishi va markaziy qahramon - "jonsiz hayvon" evolyutsiyasiga alohida e’tibor qaratilgan.

Kalit so‘zlar: Teffi, zoologik o‘xshatishlar, badiiy olam, bolalar ongi, metafora, poetika.

В литературоведении зооморфные образы традиционно рассматриваются как средство характеристики персонажа или выразительности художественной речи. Однако подобная трактовка оказывается недостаточной в тех случаях, когда зоологические уподобления образуют целостную систему, определяющую организацию художественного текста. Рассказ Тэффи «Неживой зверь» представляет собой показательный пример такого явления. В нем зоологическая образность выходит за пределы частных сравнений и формирует особый способ восприятия действительности, лежащий в основе художественного мира произведения.

Сравнение персонажа с животными довольно традиционно в мировой литературе. Такого рода сравнения встречаются уже в древнерусской и античной литературе [1]. Однако, в отличие от традиционных трактовок, интерпретирующих зооморфные образы как частные метафоры [2], в рассказе «Неживой зверь» они выступают формой непосредственного восприятия мира.

Цель настоящего исследования — доказать, что зоологические уподобления в рассказе Тэффи выполняют структурообразующую функцию и участвуют в моделировании художественной реальности.

Действие рассказа происходит в доме, где живет маленькая девочка по имени Катя, и вся атмосфера его дана через восприятие главной героини произведения, показана пропасть между детским, естественным восприятием мира и лживым миром взрослых. [5, с. 422].

Не случайно, все взрослые персонажи в восприятии девочки получают устойчивую зоологическую характеристику: мать обладает «птичьим личиком», отец «смотрел исподлобья, по-козлиному», нянька «как старая кошка, щерила зубы», кухарки — «с лисьими мордами», учительница — «как старый умный цепной пес, даже около глаз были у нее какие-то желтые подпалины». [6, с. 214–216]. Важно подчеркнуть, что данные характеристики не сопровождаются авторским комментарием и подаются как самоочевидные.

Как показательно формулирует Катя, героиня рассказа: «Он ведь не живой?». Но мать «отвернула свое птичье личико и ничего не ответила; она уже давно ничего Кате не отвечала, ей все было некогда…» [6, с. 213]. Отсутствие ответа разрушает границу между живым и неживым, создавая ситуацию семантической неопределенности. В этой ситуации зоологические уподобления начинают выполнять функцию когнитивной адаптации: через них ребенок структурирует реальность. Следовательно, речь идет не о единичных тропах, а о специфической модели мышления. [4].

Системный характер зоологических уподоблений проявляется через устойчивые повторяющиеся мотивы. Наиболее значим мотив **пасти и зубов**: нянька «щерила зубы»; учительница «прищелкивала зубами, словно муху ловила; печка «скалила красные зубы» и «жрала дрова». Их последовательное повторение позволяет говорить о формировании единого семантического поля агрессии. Примечательно, что в эту систему включается неодушевленный предмет — печка. Это свидетельствует о распространении зоологической модели на весь художественный мир.

Не менее важен мотив движения. Взрослые персонажи характеризуются резкими, прерывистыми действиями: учительница «быстро поворачивала

голову», «щелкала зубами»; какие-то бабы «моргали, спрашивали, шептали, шуршали,…грозили Кате корявым пальцем». Игрушечный баран, напротив, «смотрел на Катю кротко и ласково», оставаясь неподвижным и спокойным. Таким образом формируется оппозиция двух типов поведения: агрессивного и гармоничного.

В отличие от распространенных интерпретаций, рассматривающих игрушечного барана исключительно как объект детской привязанности, его образ обладает сложной внутренней динамикой. Уже в первом описании он соединяет признаки разных сущностей: «с длинной кроткой мордой и человеческими глазами… мычал ласково: мэ-э», он «понимает», «смотрит», «не перечит», «говорит» [6, с. 213].

Сочетание «человеческие глаза» и животного тела разрушает привычные границы между категориями. Игрушка перестает восприниматься как неодушевленная вещь и постепенно приобретает признаки живого существа. Дальнейшее развитие связано с эмоциональной трансформацией: «от любви этой делался он с каждым днем грязнее и хохлатее» [6, с. 214]. В отличие от реалистической логики, здесь изменение внешнего вида не снижает ценность объекта, а, напротив, свидетельствует об усилении чувства.

По мере развития сюжета неживой зверь утрачивает значение конкретной игрушки и превращается в сложный художественный символ, соединяющий представления о детстве, доверии, беззащитности, любви и утрате. [7, с. 151]. Финал закрепляет символический статус образа: «шерстяная смерть неживого зверя».

Как видим, образ неживого зверя проходит следующий путь: сначала это игрушка, затем переходит в категорию «зверь», затем – «друг», далее –«живое существо», и наконец, превращается в «символ».

Параллельно с «оживлением» барана происходит противоположный процесс — дегуманизация взрослых. Отец «смотрит по-козлиному», учительница «щелкает зубами», нянька «щерится» [6, с. 215–216]. Эти

характеристики подчеркивают не внешнее сходство, а внутреннюю отчужденность.

В отличие от традиционных трактовок, где зооморфизм связывается с комическим эффектом, в данном тексте он приобретает трагическое значение. Животные признаки не снижают образ, а свидетельствуют о разрушении человеческой сущности. Показательно, что даже предметы включаются в эту систему: печка «жрала», «скалила зубы», «укусила». Это демонстрирует полное размывание границ между человеком, животным и вещью.

Сопоставление процессов позволяет выявить ключевую закономерность: человек уподобляется животному (дегуманизация), вещь – олицетворяется. В отличие от линейных интерпретаций, их взаимодействие формирует целостную модель художественного мира. Именно на пересечении этих процессов возникает особая реальность, где взрослые утрачивают способность к эмоциональному контакту, а носителем понимания становится предмет, в данном случае детская игрушка. Таким образом, зоологические уподобления выступают как механизм организации художественного пространства.

Зооморфная образность в рассказе Тэффи «Неживой зверь» выполняет не только характерологическую, но и структурообразующую функцию. В отличие от распространенных трактовок, зоологические уподобления следует рассматривать как целостную систему, формирующую модель художественного мира. Их взаимодействие обеспечивает переход от частных образов к философскому осмыслению действительности.

Список литературы

1. Аристотель. Поэтика. — М.: Наука, 1998.
2. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. — М.: УРСС, 2004.
3. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970.

4. Потебня А.А. Мысль и язык. – М.: Наука, 1999.
1. Смайлова Ж. А. Тема детства в творчестве Н. А. Тэффи // Eurasian Journal of Philology: Science and Education. 2015. Т. 154. № 2.
2. Тэффи. Неживой зверь // Собрание сочинений: в 5 т. — М.: Художественная литература, 1991. — Т. 3. — С. 213–217.
3. Чиж Н. П. Роль олицетворения и персонификации в малой прозе Н. Тэффи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 2. С. 150–154.